Илья Муромец, голи кабацкие и Угарище

Кабы шла калика перехожая
От того от города от Киёва,
Ай настрецю-ту калики доброй молодец.
О, сошелса он с каликой, поздоровались,
Говорит на то удалой доброй молодец:
«Ты уж ой еси, калика перехожая,
Ты ёткуль ле нонь идёшь, да ты куда путь дёржишь?»
Уж на то ему калика нонь ответ доржит:
«Я иду ноньце из города из Киёва,
Я пошла ноньце сбирать ищэ мило́стыню».
Говорит на то удалой доброй молодец:
«Уж ты ой еси, калика перехожая,
У вас ’сё ль нонь во городи по-старому?
И во Киёви у вас всё ле нонь по-прежному?»
Говорит на то ему калика, ответ доржит:
«И во городи у нас да не по-старому,
И во Киёви у нас да не по-прежному:
Заселилось ведь ко князю ко Владимеру
Кабы то ищэ Идо́лищо поганоё,
Как не малоё-то Идолищо поганоё:
Вышину-де как Идолищо-то трёх саже́н,
Он-де трёх сажень, да он печатныих,
Ширину-де Идолищо — коса сажень,
И коса где сажень да и печатная;
Голова-то у ёго силь<н>ёй пивной котёл,
Кабы ушища у его, как царски блюдища,
Кабы глазища у его, как сильни чашища,
Кабы ручища у его, как будто граблища,
Уж бы ножища у его — сильни кичинища.
Заселился он ко князю ко Владимеру,
Как во ту его во гриню княженевскую,
Меж князём он сидит да меж княгиною,
У княгины-то держит да руки в пазухи,
Он пониже опускат руки — окол черева;
Кабы князь-от тут сидит нецё говорить не смет».

Ка’ сказала ему калика перехожая,
Уж тому-де ка’ удалу добру молодцу,
Говорит на то удалой доброй молодец:
«Уж ты ой еси, калика перехожая,
Ты ёмменимсе со мной ты платьём чветныим».
Говорит на то калика перехожая:
«Уж ты ой еси, удалой доброй молодец!
У тебя-де нонь да платьичо хорошоё,
У меня-то-де платьичо калическо,
Всё изношено у меня платьё, все изорвано».
Уж на то-де молодец не соглашаетсе,
Говорил ён калики во второй након:
«Уж ты ой еси, калика перехожая,
А ёмменимся со мной ты платьём чветныим».
Уж на то ёпеть калика вновь ответ доржит:
«Уж ты ой еси, удалой доброй молодеч,
Уж на цё ты ле нонь да обзадорилса?
У мня платьё на сибе да всё изношено».
Говорит тут молодец да во третей након:
«Уж ты ой еси, калика перехожая,
Уж омменимсе с тобой мы платьём чветныим».
Уж на то ноньце калика соглашаласе,
Скинывáт она ’ себя платьё калическо,
Молодеч-от скидывá платьё хорошое,
Он ростéгиват у ся все ноньце пáнзыри,
Скинывáт он ’себя платьё хорошоё,
Отдават свое платьицо калики же,
Он берёт ю калики платьё калическо,
Надевал на себя платьё калическо,
А калика надел платьё молодечкоё.
Они тут ноньце с каликой распростилисе,
И калика оттуль ноньце вперёд пошла,
Молодец-от-де пошел да ’ стольнёй Киёв-град.
А идёт молодец да ’ стольнёй Киев-град,
Он заходит тогда да в стольнёй Киёв-град,
Он проходит ко цареву большу кабаку,
Ко тому-де кружалу восудареву,
Он становилса под окошечко кабачкоё,
Где живут же чумаки да человальники;

Становилса под окошечко касявчато,
Он крычал-де своим да зычным голосом:
«Уж вы ой есь, чумаки-люди, человальники,
Вы уж мерейте вина мне на петьсот рублей,
Я как шел со той дорожки, я со дальнёей,
Со того устатку со великого,
Кабы выпить я-де хоцю зелена вина,
Уж как верьте мне вина вы на пятьсот рублей,
Обзадорюсь молодеч — куплю на тысечу».
Уж гледят тут чумаки да человальники
Как сквозь то-де окошечко косявчето,
Дак сквозь ту-де околенку хрустальнюю,
Говорят-де чумаки ему, ответ держат:
«Уж ты ой еси, калика перехожая,
На тибе-то, винно, платьицо калическо,
Всё изношено у тя платьё, всё изорвано,
Мы не верим те вина и на петь денежок».
И оттуль калика ноньце проць пошел,
Он зашел, калика, на большой кабак,
Тут сидят ’сё ле, пьют голи кабацькия,
Он зашел-де, с има́ да поздоровалса:
«Уж вы здраствуйте, вы голи ’сё кабацкия!»
Говорят на то-де голи-то кабацкия:
«Уж ты здравствуй, удалой доброй молодец!»
Говорит на то удалой доброй молодец:
«Юш вы ой еси, вы голи всё кабацкия!
Вы не можите ли как ле ноньце сложитьсе,
Э, не можите ли сложитьсе по гривенке,
Опохмелить меня, удала добра молодца,
Да с того мне-ка с устатку со великого,
Э, со той со дорожоцьки со дальнёёй?»
И на то были-де голи ’сё догадливы,
Они сложились как ’се ле тут по гривенки,
Они взели кабы тут нонь зелена вина,
И не много, не мало — полтара ведра,
Подавают тут удалу добру молодцу.
Он берёт ету цару единой рукой,
Он-де пьёт ноньце цару к едину духу,
Он за цярою сам рець выговариват:

«Окатило у молодца нонь ретиво́ серцо,
Не звеселило у молодца бу́йну голову».
Он растегивал ю ся нонь все и панцыри,
Скиныват он с себя да ноньце чуден крес,
Ож бы чуден-от крес да был серебреной,
Но весу́ тенёт крес его полтара пуда;
Отдават-де тут голям да ’сё кабацкиим,
Он-де сам говорит тут таково слово:
«Уж вы ой еси, вы голи се кабацкия!
Вы тащыте мой ле нонь да, право, чуден крес,
Вы тащыте крес во лавоцьку́ торговую,
Вы заложте мой крест да в петьсот рублей».
Вы на то были-де голи ’сё проворныя,
Потащили они-де скоро нонь серебрен крес,
И заложили нонь крес его в петьсот рублей,
Притащили ему денежок петьсот рублей,
Отдавают-де удалу добру молодцу.
Он как взял тут денежки петьсот рублей,
Он как стал тут пить да зелена вина,
Он бы сколько сам пьет, вдвое голей поит;
Он тут пил, молодеч, время трои суточки,
Одолила тут его тягость тяжёлая,
Забрала его хмелинушка великая,
Заходил ён тут на пецьку на муравленку,
Он как за́спал, захрапел тут доброй молодеч —
Он тут спит и тут храпит, будто порог шумит.
Как на то ле чумаки-воры человальники,
Они стали молодца ноньце побуживать,
Кабы стали молодца нонь потресати нонь,
Уж бы сами говорят ему таково слово:
«Тебе полно же нонь спать, пара ставать,
А пара-де ставать, пара опревитсэ».
Его раз они будили и другой будят,
И третьей-от раз и шибко потресают его;
Кабы тут молодец да пробужаитсе,
Он соскакивал со печки со муравленки,
Он схватил тут чумака да за черны кудри,
Он здымал его повыше буйной головы,
Опускал чумака и о кирпищат пол —

Кабы тут чумаку и смерть случиласе.
Он и сам говорил и таково слово:
«Богатырское серце зло-заплывчиво,
И заплывчиво серчё, и неуи́мчиво,
Как беду-ту я доспел, дак наб друга дось».
Он выскакивал бы скоро вон на улицу,
Пробегал-де ’ подвалу-ту кабацькому,
Как ко тим-де ко дверям да ко широкиим,
Кабы двери-ти да ноньце плотно заперты,
Они заперты-де плотно, ныньце замкнуты,
И навешаны замки да ’сё весучия.
Он ростворил ’се тут двери ’сё подвальния,
Пробегал-де ко подвалу-ту кабацькому,
Там лежат ’се как боцьки сороковацьки,
Уж лежат ищэ боцьки ’ зеленым вином.
Он как брал енну боцьку под праву руку,
Он другу-ту ле берёт боцьку под леву руку,
И третью́-ту ле он боцецьку пинком пинат.
Он вытаскивал на площадь на кабацькую,
Он расту́ливал тут боцьку сороковоцьку,
И уж сам тут говорил да таково слово:
«Ох вы ой еси, вы голи ’сё кабацькия!
Вы несите свою меру — повареноцьку,
Уж вы пейте вина у вас сколько моць берёт,
Мы не будём же во городи виноваты же».
Кабы пьют кабы голи всё кабацкия.
Кабы после того, да после этого,
Уж пошел тут цюмачёк, да целовальник же,
Он пошел нонь ко князю ко Владимеру —
Он пошел к нему с объявкой, жалобо́й ищэ.
Он приходит нонь ко князю ко Владимеру,
Он как князю-ту бы начал всё рассказывать,
Как бы спе́рва, сначалу, как нынь деелось.
Говорит чумак ноньце таковы слова:
«Уж ты ей еси, солнышко Владимер-князь!
У нас што же ноньце как ищэ содеелось,
В кабаки-то ле нонь да состоялосе:
Приходила нам калика ко окошечку,
Ко тому-де окошечку кабацькому,

Как ревёт у нас калика под окошечком,
И просила у нас да зелена вина,
И просила вина да на петьсот рублей,
Говорила калика ищэ таково слово:
„(Й)обзадорюсь я ковда — куплю на тысецю!“
Мы ювидели, што на ей платьё калическо,
Мы сказали ей, калики перехожоей:
„Што как не по цё тебе дак ноньце верити,
На тибе-то, винно, платьицо калическо,
Мы не верим те вина и на петь денежок“.
Заходила тут калика на большой кабак,
Тут сидят ’ кабаки голи кабацкия,
Уж зашла она, с голéми поздоровалась,
Говорила им калика таковы слова:
„Уж вы ой еси, вы голи ’сё кабацкия!
Вы сложитесь-ко все ноньце по гривенки,
Вы возьмите-ко бы нонь да зелена вина,
Опохмельте меня, удала молодца,
И со той меня со дальноей дорожечки,
Со того миня с устатку со великого!“
Уж на то были-де голи ’сё догадливы,
Они сложились как ’се скоро по гривенки,
Они взели тут ему да зелена вина,
Уж не мало, не много — полтара ведра,
Подавают тут удалому добру молодцу,
Он берёт эту цяру единой рукой,
Он бы пьёт эту цяру к едину духу,
Ищо сам тут говорит да таково слово:
„Окатило у мня, молодца, да ретиво серцо,
Не звеселило у мня, молодца, буйну голову“.
Скинывал он с себя да ноньце чуден крес,
Отдавал-де тут голям ’сё кабацкиим:
„Вы заложьте мой крес да во петьсот рублей“.
Заложили голи крес нонь во петьсот рублей,
Как-де стал пить молодец да зелено вино,
Он бы сколько сам пьёт, вдвое голей поит;
Он тут пил, молодец, да трои суточки —
Забрала его хмелинушка великая.
Заходил он тут на печку на муравленку,

Он как за́спал, захрапел тут доброй молодец.
Уж мы стали, чумаки, его побуживать,
Кабы стали молодца нонь потресати же —
Пробудилсе тут удалой доброй молодец;
Он соскакивал со печки со муравленки,
Он схватил тут чумака да за черны кудри,
Он здымал его выше буйной головы,
Опускал чумака о кирпищет пол —
Кабы тут чумаку да смерть случиласе.
Он зревел молодец да таково слово:
„Как беду-ту я доспел, дак наб друга дось!“
Он выскакивал бы скоро вон на улицу,
Подбегал ко подвалу ко кабачкому,
Он топнул как тут двери сё подвальния,
Розломил, розорвал замки весучия,
Ростворил ’се тут двери ’се подвальния,
Пробегал-де ко подвалу ко кабацкому,
Там лежат ’сё как боцьки сороковоцьки,
Он как брал енну боцьку по праву руку,
Он другу-ту ле брал под леву руку,
А третью-ту он-де боцецьку пинком пинал,
Он вытаскивал на площадь на кабацкую,
И уж сам тут говорил да таково слово:
„Уж вы ой еси, вы голи всё кабацкия!
Уж вы пейте вино да сколько моць берёт,
Мы не будём-де во городи виноватые“».
Кабы князь-от говорит тут таково слово:
«Уж я што же ноньце могу ищэ делати,
У миня у самого да на дому беда!»
Уж не много тут-де время миновалосе,
Как приходит тут удалой доброй молодец
Ко тому ищэ ко князю ко Владимеру,
Он заходит нонь во гриню княженевскую,
Он как Богу-ту ле тут да ныньце молитсе,
Он-де крес-де кладёт да по-писанному,
И поклон-от он ведёт да по-ученому,
И молитву творит ’сё полну Исусову,
На вси стороны он нонь-де покланяетсэ,
И князю-ту с княгиной на особину.

Как сидит тут Угарищо поганоё,
А тому-де он Угарищу челом не бьёт,
Он челом ему не бьёт, да головы не гнёт,
Как Угарин-от сидит на его зглядыват,
Кабы зглядыват сидит, на его зворачиват.
Молодец-от становилса под окошечко,
И под хо́рошо, под красно, под трубно окно.
Принесли ноньце Угарищу попить-поись,
Принесли сперва коврижку дару божьяго,
Он на нож ей воткнул — совсем челком пехнул:
Щоки на щоку коврижку перемётывал,
Уж енной щокой-де короцьку вываливал.
Как сидит ле там удалой доброй молодеч
Как под хорошим, под красным, под трубным окном,
Говорит же молодеч да таково слово:
«Уж ты помнишь ле, князь, да паметуешь ле,
Кабы прежде ю вас да ищэ деялось:
У попа-то у ётца было духовного,
Как была у попа корова, волочилосе,
Алави́ной-де корова задавилосе?
Кабы этому Угарищу же то́ будет».
А Угарин-от сидит, на его зглядыват,
Он бы зглядыват на его сидит, зворачиват.
Принесли ищэ Югарищу поганому,
Принесли ему лебёдоцьку не кушену,
И не кушену лебёдочку, не рушену.
Он на нож ей воткнул, совсем челком пехнул,
’Щоки на щоку лебёдку переметыват,
Уж енной щокой косьё ищэ вываливат.
Там сидит-де удалой доброй молодец,
Говорит опеть-де ён да токово слово:
«Уж ты ой еси, солнышко Владимер-князь!
Уж ты помнишь ле, князь, да паметуешь ле,
Как у вас-то во городи прежде было же:
Как худа-де собака волочилосе,
По сметьям собака-та шаталосе,
Как собака-та и косью задавилосе?
Кабы этому Угарину же то́ будёт».
И Угарин нонь сидит, на его зглядыват,

Кабы зглядыват, сидит, на его зворачиват.
Он и тут ноньце Угарин осержаетсе:
Он схватил свой, Югарин, нонь булатен нож.
Он как бросил нонь в удала добра молодца,
Он как бросил нож ему да в груди белыя.
Молодец-от был на то да был ухватчивой:
Он схватил ноньце ножицёк за черешок,
Он до ся ноньце ножик не допускивал.
Говорил тут молодец да таково слово:
«Уж ты ой еси, ты солнышко Владимер-князь!
Ты велишь мне-де кровавить свою гриню же?»
Говорит на то солнышко Владимер-князь:
«Я не знаю ле, как вам нонь присоветовать».
Он сымаёт, молодец, ’ себя пухов колпак,
Он завёртывал колпак да на три югла же,
Он как бросил колпаком ноньце в Угарища,
И во ти-де его да груди че́рныя —
Повалилса тут Югарин вон на юлицу
И со всем ле с простенком межоконныим.
А на то был молодеч опеть ухватчивой:
Он на улицу-де скоро нонь выскакивал,
Кабы на пол-де Югарища не уранивал,
На подлетике его да нонь подхватывал,
На енну его ногу ступил, другу оторвал —
Кабы бросил его тулово во чысто полё,
Там черным-то воронам на воскурканьё,
Он серым-то волкам да на востарзаньё,
Там как синёму всему морю на утишаньё,
Кабы всим нам, молодцам, да на послуханьё,
Кабы старыим старухам да на долгой век.

(Зап. Ончуковым Н. Е.: апр. — май 1902 г., сел. Усть-Цильма Печорского у. — от Поздеева Петра Родионовича, 65 лет.)

Печорские былины / Зап. Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.